

ИРКУТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

4 МАЯ

№ 18.

1863 ГОДА.

СОДЕРЖАНІЕ: Распоряженія Епархіальнаго Начальства. Отчетъ Иркутской Семинаріи (продолженіе). Общественіе.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

— Определеніемъ Иркутской Д. Консисторіи, утверждѣнными Его Пресвященствомъ 19 апрѣля, согласно общественнымъ выборамъ, утверждаются:

— Церковнымъ старостою при Селегтинской Спасской Церкви, на 1863, 1864 и 1865 годы, крестьянинъ Иванъ Петровъ Щербаковъ.

— Ктиторомъ при Оекской Успенской Церкви, крестьянинъ Алексѣй Деменискій, и помощникомъ ему, крестьянинъ Василій Буйновъ, съ выдаваемою имъ сборною книгою на исправленіе теидой Церкви, по Иркутской Епархіи на одинъ годъ.

— Церковнымъ старостою при Верхнеиркутской Введенской Церкви, на 1863, 1864 и 1865 годы, казакъ Иванъ Валовъ, а казакъ Романъ Дмитріевъ строителемъ той же Церкви.

— Запрещенціей въ священнослуженіи діаконъ Николай Мичуринъ, по резолюціи Его Пресвященства 18 апрѣля на

прошение его данной, определяется исправляющимъ должность пономаря при Предтеченской Церкви села Зюльзинскаго (Нерчинскаго округа).

О Т Ч Е Т Ъ,

прочитанный въ Иркутской Д. Семинаріи на публичномъ испытаніи 16 іюля 1862 года.

(Продолженіе).

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЧАСТЬ.

При изложеніи хозяйственной части Семинаріи, скажемъ о суммахъ, получаемыхъ на содержаніе Семинаріи, и о распоряженіяхъ Правленія по содержанію Семинаріи.

Суммы, получаемыя на содержаніе Семинаріи, двухъ родовъ: а) штатныя и б) экстраординарныя. Первыя отпускаются по Высочайше утвержденнымъ положеніямъ, Св. Синодомъ изъ Духовно-Учебныхъ капиталовъ, ежегодно въ одинаковомъ количествѣ, именно—въ количествѣ 11,493 руб. 15 коп. Вся эта сумма назначается на шесть статей: 1, на жалованье служащимъ при Семинаріи, 4,350 р. 75 к.; 2, на Библіотеку 114 р. 20 к.; 3, на Больницу 171 р. 40 к.; 4, на домъ 1,071 р. 40 к.; 5, на канцелярію 71 р. 40 к.; и 6, на содержаніе учениковъ 5,714 р. Изъ суммы на жалованье получаютъ: а) Ректоръ Семинаріи 321 р. 75 к. и по должности Наставника 321 р. 75 к. сер. въ годъ; б) Инспекторъ 171 р. 60 к. и по должности Наставника 321 р. 75 к.; в) Экономъ 171 р. 60 к. и по должности Наставника 321 р. 75 к.; г) Секретарь 128 р. 70 к. и по должности Наставника 321 р. 75 к.; д) Библіотекарь 100 р. 10 к. и по должности Наставника 321 р. 75 к.; е) Лекаръ 143 р.; ж) Наставники другіе штатныхъ предметовъ по 321 р. 75 к. въ годъ; з) Учитель монгольска-

го книжнаго языка 160 р. 85 к.; и и) три Письмоводителя 257 р. 40 к. Сверхъ того изъ Духовно-Учебныхъ капиталовъ отпускается особая сумма на производство классовъ окладовъ Начальникамъ и Наставникамъ, имѣющимъ ученыя степени, — по степени Магистра по 100 р. 10 к. и по степени Кандидата по 71 р. 50 к. сер. каждому въ годъ. — Наименованныя цифры ясно показываютъ ограниченность получаемыхъ на содержаніе Семинаріи окладовъ. Но особенно оклады эти недостаточны по статьямъ на жалованье, Библиотеку и содержаніе дома. Хотя положеніе Наставниковъ обезпечивается тѣмъ, что почти каждый изъ нихъ имѣетъ, кромѣ Наставнической, и другую должность съ жалованьемъ, получаетъ кромѣ того классный окладъ и можетъ пользоваться казенною квартирою; но все это обезпеченіе, по настоящему времени и при особенной дороговизнѣ въ г. Иркутскѣ, очень недостаточно. При этомъ по статьѣ на жалованье неотпускается окладовъ на жалованье преподавателямъ медицины и языковъ — Нѣмецкаго, Французскаго и Монголо-Бурятскаго разговорнаго; жалованье имъ производится изъ ученической суммы, — преподавателю медицины 143 р., преподавателямъ Нѣмецкаго и Французскаго языковъ по 107 р. 25 к. и преподавателю Монголо-Бурятскаго разговорнаго языка 200 р. въ годъ. — Положенные по штату на Библиотеку 114 р. 20 к. едва достаточны на выписку нѣкоторыхъ духовныхъ журналовъ; между тѣмъ въ Семинаріи чувствуется потребность выписывать и нѣкоторые изъ свѣтскихъ; кромѣ того, необходимо пополнять и обогащать Библиотеку пособиями по всѣмъ отраслямъ преподаваемыхъ въ Семинаріи наукъ и замѣчательными, выходящими въ свѣтъ, сочиненіями по части духовной и свѣтской. — Ассигнуемые на содержаніе Семинарскаго дома 1,071 р. 40 к. сер. достаточны только на отопленіе и отчасти на освѣщеніе; на всѣ же расходы по обширному Семинарскому дому, на кои нужно не менѣе 4,000 руб. въ годъ, окладъ этотъ крайне недостаточенъ. По этому не удивительно, если въ содержаніи Се-

минарскаго дома не всё нужды бываютъ вполне удовлетворены, и особенно, если нельзя найти того благоприличія, каковаго требуетъ современный образованный вкусъ. При настоятельности многихъ нуждъ по дому, необходимо ограничивать расходы и по другимъ статьямъ, чтобы сбереженіями изъ этихъ статей покрывать передержки по дому. Изъ такихъ статей существуетъ впрочемъ только одна—статья на содержаніе учениковъ пищею и одеждою. По этой статьѣ суммы по штату опускаются на 100 воспитанниковъ, по 57 р. 14 к. сер. въ годъ на воспитанника; между тѣмъ въ Семинаріи пользующихся казеннымъ содержаніемъ не восходитъ далѣе 70 воспитанниковъ. Остатокъ отъ неполнаго комплекта, въ числѣ примѣрно 1714 р. 20 к., и обращается на покрытие передержекъ. Но какъ передержки бываютъ не только по дому, но и по жалованью и по Библиотекѣ; то и остатокъ этотъ раздѣляется на всё эти статьи. На жалованье преподавателямъ медицины и языковъ—Нѣмецкаго, Французскаго и Монголо-Бурятскаго разговорнаго употребляется въ годъ 557 р. 50 к. Кромѣ того изъ остаточной ученической суммы необходимо употребить въ нынѣшнемъ году на отправку двухъ воспитанниковъ въ Казанскую Академію до 315 р. и на доставку въ Семинарію изъ Нерчинскаго Училища 13 несостоятельныхъ воспитанниковъ 220 р. 98 к. За расходами этими, ученической суммы на передержки по Библиотекѣ и по дому остается самая незначительная часть, именно 620 р. 72 к. Между тѣмъ на однѣ передержки по дому необходимо до 3000 р. Въ слѣдствіе этого, расходы по содержанію учениковъ необходимо сокращать до такой степени, что и вся сумма, слѣдующая на 70 человекъ, не можетъ быть употреблена на нихъ. Кромѣ отдѣленія значительной части изъ суммы ученической на передержки по дому, дополнительная необходимая сумма на этотъ предметъ заимствуется изъ суммъ Семинаріи экстраординарныхъ.

Экстраординарныя суммы Семинаріи слѣдующія: а) остатки

отъ предыдущихъ годовъ по нѣкоторымъ статьямъ,—незначительныя; б) проценты на внесенный въ банкъ остатокъ Ректорскаго и Наставническаго жалованья за прежніе годы въ 3,000 р., на которые получается процентовъ 120 р. въ годъ; в) 250 р. выручаемые за наемъ стараго Семинарскаго дома; г) сумма, получаемая на содержаніе пансіонеровъ отъ родителей ихъ, едва впрочемъ равняющаяся расходамъ на содержаніе ихъ пищею (по 36 р. сер. въ годъ съ каждаго) и не оставляющая ничего на расходы по дому; д) сумма вѣнчиковая, получаемая изъ Консисторіи, до 1,000 р. сер. въ годъ; и е) проценты на внесенные въ Банки за прежніе годы 7,000 р. вѣнчиковою суммою, на которые получается процентовъ 280 р. въ годъ. Вѣнчиковая сумма главнымъ образомъ употребляется въ пособіе на содержаніе подвѣдомыхъ Правленію Семинаріи Училищъ—Иркутскаго и Нерчинскаго; но часть ея употребляется и на передержки по содержанію Семинарскаго дома, за недостаткомъ другихъ Семинарскихъ суммъ.

Располагая этими средствами, Правленіе Семинаріи старалось, по возможности, объ удовлетворительномъ содержаніи Семинаріи. Кромѣ удовлетворенія постоянныхъ нуждъ, оно положило въ настоящее время произвести и нѣкоторыя временныя улучшенія по дому. Такъ, положено исправить желѣзную крышу, производящую течь и поврежденія въ корпусъ,—исправить и побѣлить печи и стѣны во всемъ корпусъ, устроить необходимую и приличную мебель для занятыхъ ученическихъ комматъ, классовъ и Библиотеки, и другія произвести исправленія. Въ видахъ улучшенія и приведенія въ надлежащій видъ всего Семинарскаго корпуса, въ 1859 году была составлена смѣта на капитальныя и полныя исправленія въ немъ, представлена въ Святѣйшій Синодъ и утверждена онымъ; были ассигнованы и самыя суммы на эти исправленія. Но въ слѣдствіе вновь открывшихся въ Семинарскомъ корпусѣ поврежденій и представленія объ этомъ Семинарскимъ Правленіемъ Высшему Начальству, по распоряженію Высшаго Начальства,

Семинарскимъ Правленіемъ, при г. Архитекторѣ Кудельскомъ, сдѣлано нынѣ новое освидѣтельствованіе поврежденій въ Семинарскомъ корпусѣ и г. Архитектору Кудельскому поручено составить одну общую смету на единовременное исправленіе всего Семинарскаго корпуса. Когда предположенія эти будутъ приведены въ исполненіе; тогда Семинарскій корпусъ будетъ приведенъ въ совершенно удовлетворительное и приличное положеніе. — Содержаніе воспитанниковъ пищею было не только не ниже, но не рѣдко даже выше положеній Семинарскаго Устава. Въ одеждѣ нужды казеннокоштныхъ учениковъ были также достаточно удовлетворены; не пользовались они только такими вещами, которыя или легко могли имѣть свои, или которыя превышали положенія Семинарскаго Устава и средства Семинаріи. Въ пособіе на содержаніе Училищъ отпущено въ нынѣшнемъ году изъ вѣнчикової суммы въ Иркутское Училище 686 р. 20 $\frac{1}{2}$ к. и въ Нерчинское 204 р. 50 к.

О Б В ъ Щ Е Н І Е

Въ день Вознесенія Господня 9 числа сего мѣсяца мая предполагается въ Иркутскомъ Вознесенскомъ Монастырѣ заложеніе новаго Соборнаго Храма во имя Вознесенія Господня съ придѣлами: 1. Святителя Пиннокентія, Иркутскаго Чудотворца, 2. Святителя Тихона Задонскаго, и 3, въ нижней части зданія во имя Преподобныхъ Антонія и Феодосія Печерскихъ.

Ревнующіе о благоукрашеніи храма, въ которомъ будутъ почивать нетлѣнныя мощи перваго Иркутскаго Епископа Пиннокентія, и всѣ православные, чтущіе память Его, не отрекитесь, особенно при этомъ случаѣ, послужить сему благоукрашенію по мѣрѣ избытковъ, которые, при благословеніи Святителя, у щедротелей никогда не оскудѣютъ, по вознагражденію представительствомъ Его сторицею!

П Р И В А В Л Е Н І Я

къ

ИРКУТСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ,

4 МАЯ № 18. 1863 ГОДА

СОДЕРЖАНІЕ: Управление Архимандрита Платковского Вознесенскимъ монастыремъ. Забайкальская Миссія. Наставленіе. Голосъ совѣсти.

УПРАВЛЕНІЕ АРХИМАНДРИТА ПЛАТКОВСКАГО МОНАСТЫРЕМЪ ВОЗНЕСЕНСКИМЪ.

По прибытіи въ Вознесенскій Монастырь, первымъ дѣломъ Архимандрита Антонія Платковского было отчитать себя по званію настоятеля, и по примѣру Чудовскаго архимандрита, изъ монастырской казны 1182 рубля и за тѣ годы, когда онъ не управлялъ Вознесенскимъ монастыремъ. За тѣмъ Платковский занялся дѣломъ, по которому особенно хлопоталъ въ Москвѣ, пролагая себѣ вторичный путь въ Пекинъ. Побываніе его въ Китаѣ съ Посломъ Измайловымъ давало ему смѣлость выдавать себя болѣе надежнымъ, чѣмъ кто другой, посредникомъ между Россіею и Китаемъ. Для лучшаго достиженія цѣлей русскаго Правительства, онъ предложилъ открыть въ Иркутскѣ школу сначала Монгольскаго, а за тѣмъ Китайскаго языка, чтобъ посредствомъ изученія сихъ языковъ удобнѣе дѣйствовало и въ распространеніи между Монголами и Китайцами Православной Вѣры, и въ видахъ сношеній торговыхъ. Конечно, его спросили: какія же средства къ содер-

жанію школы?—Онъ указалъ, что ради новозаводства Монгольской школы надобно приписать къ Вознесенскому Монастырю Обитель за Байкаломъ Посольскую со всіми ея доходами, а Игумена и братію перемѣстить въ Монастырь Вознесенскій, и къ тому другіе монастыри Иркутской Провинціи обложить известнымъ вносомъ денегъ или припасовъ на поддержаніе школы. Правительство приняло проэктъ Платковского, и ему, по приѣздѣ въ Иркутскъ открылось широкое раздолье для своекорыстной дѣятельности. Прежде всего Платковскому попались на глаза пожитки провинціалъ-Инквизитора Іевлева, сверхъ отправленныхъ прежде въ Тобольскъ, оставшіеся и хранившіеся въ Вознесенскомъ монастырѣ подъ колокольною, въ числѣ которыхъ было 600 рублей наличныхъ денегъ,—а самъ Іевлевъ былъ въ это время за Байкаломъ. Платковскій попросилъ расположеннаго къ себѣ Воеводу Измайлова и деньги и вещи Іевлева законфисковать, припечатать, и оставить въ храненіи монастыря впродъ до распоряженій. Такъ и сдѣлано.

Чтобъ оправдать такое распоряженіе, Платковскій сдѣлалъ доносъ Св. Синоду, что Іевлевъ ограбилъ Иркутскія церкви, монастыри и братскую Пустынь,—и о томъ же заявилъ Тобольской Губернской Канцеляріи, присовокунивъ къ тому, что провинціалъ—инквизиторъ Іевлевъ въ бытность въ Енисейскѣ, имѣлъ сомнительныя сношенія съ отставною игуменіею Маріаміею. Мстятъ также іеромонаху Корнилию за известную жалобу, и на него писалъ, что постригалъ де онъ Корнилій вкладчиковъ въ монахи для укрывательства ихъ отъ подушннаго оклада,—тогда какъ самъ же предписывалъ Корнилию съ дороги въ Китай: еще которіи вкладчики пожелаютъ въ старцы, постригай безъ отказа (И. Е. В. № 12).

Въ Январѣ 1726 года, по предписанію Платковского, послѣдовало переселеніе Игумена Іова и братіи Посольскаго Забайкальскаго монастыря въ Иркутскій Вознесенскій, и передвиженіе достоянія Посольской обители въ Вознесенскую, и спен-

речисленіе къ сей послѣдней всѣхъ монастырскихъ служителей и вкладчиковъ и всѣхъ доходовъ первой.

Величаво держалъ себя Архимандритъ Платковскій въ церкви. Онъ стоялъ обыкновенно внѣ алтаря въ особо устроенномъ настоятельскомъ мѣстѣ. П во время Божественной Литургіи, съ этого мѣста, вмѣсто служащаго священника, преподавалъ *миръ всѣмъ!* говорилъ за служащаго: *благословеніе Господне на васъ!* и благословлялъ народъ по чину архіерейскому. Но внѣ церкви, какъ любитель *русскаго и краснаго*... Антоній Платковскій, окруженный опричною привезенныхъ имъ съ собою солдатъ, перѣшко бывать ужасомъ для обители. Побить ли кого изъ монаховъ, сковать ли, посадить ли на цѣпь, все это было дѣломъ одного маіиіа настоятеля, — драба ты всегда были готовы къ услугамъ. Тщетно провинціальный-инквизиторъ Левтевъ письменно просилъ Иркутскаго Воеводу Пзмайлова убрать изъ Вознесенской обители этихъ солдатъ незаконно гдѣ Платковскимъ набранныхъ, и незаконно въ ней гнѣздившихся. Воевода бумаги не шіявалъ, а на словахъ отвѣчалъ, что объ отобраніи солдатъ была послана къ Платковскому промеморія, только, де, онъ просилъ оставить ихъ до Николаева дня, и что объ отобраніи ихъ къ нему пошлетъ новая промеморія. Бывало, какойнибудь шнокъ, вырвавшись изъ руки это спиры, бѣжить по монастырю укрывался, — за нимъ гонится самъ Платковскій съ палкою; несчастный выбѣгаетъ за монастырскія ворота, ищетъ убѣжища въ ближайшей деревнѣ, тамъ отыщутъ его солдаты. Кромѣ солдатъ у Платковскаго и еще была обстановка, а именно: племянники Климъ Сидоровъ да Андрей, и два неизвѣстные человека изъ малороссовъ, Захарій Симоновскій и Пванъ Соколовскій. Эти люди производили отъ лица архимандрита Платковскаго обширную торговлю, преимущественно китайскими товарами. А въ то же время главная въ монастырѣ деревянная Вознесенская церковь близка была къ паденію, и братвенныя кельи разрушались, — но на это настоятель не обращалъ вниманія. Правда, Антоній по части строительной не совсемъ оставался безъ дѣла. Онъ соорудилъ

зданіе для помѣщенія Монгольской школы. Но какое? Вотъ отзывъ объ этомъ строеніи, и о строителѣ Иркутскаго Епископа Иннокентія II Неруновича отъ 31 Августа 1734 года въ Святѣйшій Синодъ: въ прошлыхъ 1725 и 726 годахъ при Иркутскомъ Вознесенскомъ Монастырѣ построена школа бывшимъ въ томъ монастырѣ Антоніемъ архимандритомъ Платковскимъ, которая и донынѣ стоитъ внѣ онаго монастыря, горница да черная изба, въ неудобномъ весьма мѣстѣ, въ гору, такъ что половина стоитъ на горѣ, а другая подъ горою, отчего можетъ скорѣ разрушиться. А на постройку той школы показано 687 р. 40., и въ сіе число изъ казны одного Посольскаго монастыря употреблено 410 р. 20 копѣекъ. Но на оную школу отнюдь такой суммы не изошло, а оный архимандритъ написалъ такую, знатно, что лишнее все себѣ заgrabилъ.

Обобранный, и до крайности обидимый Платковскимъ провинціалъ—инквизиторъ Іевлевъ не молчалъ конечно о всѣхъ злоупотребленіяхъ корыстолюбиваго и буйнаго настоятеля, и его донесенія въ свое время не будутъ оставлены безъ вниманія. Но вотъ что разительнo! Святому страннику, Епископу Иннокентію, суждено было оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ всякаго рода безчиній въ той обители, которая предназначалась Промысломъ въ мѣсто Его упокоенія, и въ послѣдствіи должна была прославиться и возвеличиться Его святымъ именемъ, нетлѣниемъ и чудотвореніями. Видя всѣ непорядки архимандрита Платковскаго, Святитель не считалъ своимъ дѣломъ осуждать его поведеніе, но только держалъ себя вдалькѣ; Его какъ не было въ обители. Самая прислуга Святителя никогда не входила ни въ какое столкновеніе съ монастырскимъ братствомъ. Инквизиторъ Іевлевъ пробовалъ обращаться къ защитѣ великаго Гостя, но Епископъ Иннокентій предоставлялъ ему обращаться съ просьбами къ Tobольскому митрополиту. Вотъ доказательство, что до уреченнаго времени Святый Иннокентій не усвоилъ себѣ ни малѣйшаго вліянія на Иркутскую Паству, а этого не могло быть, если бы онъ, какъ ошибочно

нѣкоторые думаютъ, облеченъ былъ правомъ викарнаго въ этой частѣ Епископа.

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ МИССІЯ.

Юля 11-го я снова возвратился въ Кяхту. Здѣсь встрѣтилъ меня миссіонеръ, священникъ І. Никольскій, съ извѣстіемъ, что на Джидѣ между Тореемъ и Харацаемъ (на западъ отъ Кяхты, по Китайской границѣ) кочуетъ хубилганъ (перерожденецъ), выходецъ изъ Монголіи, и что наши буряты толпами идутъ къ нему на поклоненіе. Я отправился туда, — потому что прежде еще предположено было ѣхать туда. На пути я спрашивалъ о мнимомъ перерожденцѣ у русскихъ и бурятъ. Послѣдніе отвѣчали перѣшительно, однакожъ не скрывали, что дѣйствительно пріѣхалъ мнимый выходецъ съ того свѣта. Но когда я пріѣхалъ къ означенному мѣсту, то остался только слѣдъ его кочевки. Говорили, что за три дня до моего пріѣзда, онъ ушелъ за границу. Русскіе крестьяне, взявшіе меня, рассказывали, что буряты сами ѣздили въ Монголію просить его къ себѣ, и что онъ сначала спросилъ ихъ, многіе ли желаютъ принять его къ себѣ. Ему объяснили, что до трехъ сотъ юртъ ждуть его къ себѣ. Тогда онъ перѣхалъ границу, въ сопровожденіи свиты, состоявшей изъ семи ламъ, и поселился въ пади (ложбина между горъ), не подалеку отъ дороги, ведущей изъ Торей въ Харацай. «Въ юртѣ-то», говорилъ мнѣ мой проводникъ, «выше бурхановъ сидѣлъ, окаянный! А тварь (буряты), какъ Богу клаялась ему, мошеннику. И чего не приносили ему, — и соболей-то, и золота и серебра, — ну, у кого что есть лучшаго. А бумажекъ не бралъ: вишь, тамъ въ Монголіи они не ходятъ. Хотъ и съ того свѣта, а знаетъ, что и на этомъ есть хорошее». Подобныхъ обманщиковъ уважаютъ и русскіе крестьяне, почитая ихъ за великихъ чародѣевъ, по рассказамъ бурятъ; но въ настоящемъ случаѣ я ничего подобнаго не слышалъ о русскихъ. О настоящемъ выходцѣ я послѣ узналъ, что онъ со-

всѣмъ не увѣжалъ въ Монголію, а только при моемъ приближеніи скочевалъ на другое мѣсто. Путешествовавшій вскорѣ послѣ меня по тѣмъ же мѣстамъ, миссіонеръ І. І. слышалъ о томъ же или о другомъ выходцѣ, котораго буряты называли хань-хутухтою (царь—хутухта) и который путешествовалъ по Цакпрекому и Армацкому инородческимъ вѣдомствамъ, сопровождаемый большою толпою бурятъ.

Подобные выходцы не рѣдко стали посѣщать наше Забайкалье, особенно съ тѣхъ поръ, какъ черта портофранко отнесена къ Байкалу. Гонимые нуждою дома (о бѣдствіяхъ года въ Монголіи, особенно отъ притѣсненія китайскихъ властей, можно правильно судить, только видѣвши дѣло на мѣстѣ) и зная, какъ роскошно живутъ ихъ братья въ Россіи, монгольскіе ламы принимаютъ на себя образъ разныхъ святошъ, хутухтъ и хубилгановъ и, пробравшись въ Россію, здѣсь промышляютъ своимъ святошествомъ. Къ чему можетъ повести законное преслѣдованіе этихъ выходцевъ—снѣдѣлить мудрено, тѣмъ болѣе, что бывшими попытками въ этомъ родѣ всегда противодѣйствовали сами буряты, тщательно укрывая пресѣжниковъ: во всякомъ случаѣ, вредное влияние подобныхъ выходцевъ на успѣхъ христіанской миссіи не подлежитъ сомнѣнію. Какъ перерожденцы, представляя въ собственномъ лицѣ доказательство своего лжевѣрія, и сопровождаемые повсюду расказами о чудесахъ, будто бы совершенныхъ ими, мнимые хутухты и хубилганы даютъ новую жизнь и силу суевѣрью вездѣ, гдѣ ни пробудутъ. Кромѣ того, они же часто распространяютъ въ тысячахъ экземпляровъ разныя посланія и грамоты, унавши будто съ неба въ назиданіе грѣшному міру, а въ этихъ посланіяхъ и грамотахъ преказываются страшныя бѣдствія всѣмъ тѣмъ, которые бы рѣшились измѣнить ламской вѣрѣ и принять христіанскую.

Съ Джиды поворотилъ я прямо по степи на Гусиноозерскій дацанъ, мѣстопребываніе хамбо-ламы. На пути къ нему я постытилъ два бурятскія сотенныя правленія и еще три да-

дана: Сортольский, Гыпетуевский и Учотоевский. Вездѣ встрѣча была по одному церемоніалу. Кажется, все, что было въ цонгольскомъ дацанѣ, тотчасъ же сдѣлалось извѣстно во всѣхъ прочихъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза въ этихъ дацанахъ, было то, что кромѣ штатныхъ ламъ всѣ прочіе были въ простомъ бурятскомъ костюмѣ. Послѣ мнѣ сказывали, будто бы для встрѣчи меня нештатные ламы только выворотили наизнанку свою красную одежду. Я не замѣтилъ такого превращенія; однакожъ говорить, справедливо, что при встрѣчѣ съ чиновниками земской полиціи, ламы-самозванцы нерѣдко прибѣгаютъ къ подобнымъ метаморфозамъ; а обличительное отсутствіе косы (міряне носятъ косу, подобно китайцамъ) покрѣпче прикрѣпляютъ шапкою. Въ бесѣдѣ со мною, ширетуи (настоятели) означенныхъ дацановъ соглашались признавать христіанскую Вѣру не только равною нигмуніанской, но и вышею; но отъ перемѣны своей вѣры отказывались тѣмъ, что ихъ вѣра утверждена Г. сударемъ, что для нихъ есть штаты, какъ и для православнаго духовенства, и что за службу вѣрѣ имъ даны особыя прѣва и льготы съ обеспеченіемъ въ содержаніи. На эти пункты главнымъ образомъ опирались и во всѣхъ другихъ вопросахъ.

Въ заключеніе, подносили мнѣ шелковые хадаки съ изображеніемъ бурхановъ, и снова провожали за ворота дацана.

Въ гусиноозерскомъ дацанѣ встрѣтили меня съ большою торжественностію. Очевидно было, что новыи хамбо-лама сильно рассчитывалъ на эффектъ. Версты за три до дацана встрѣтилъ меня (верхомъ на лошади) старшій гылунт-лама и бывшій кандидатъ въ хамбы, сынъ умершаго хамбо-ламы Цыдынь-Дамбаевъ. Самъ хамбо-лама встрѣтилъ меня съ платкомъ ламы и съ обычною музыкою за воротами дацана, вѣжливо раскланялся со мною и крѣпко пожалъ руку знакомцу своему миссіонеру, священнику Г. Никольскому.

Здѣсь не лишне будетъ дать вамъ понятіе о настоящемъ хамбо-ламѣ, или вѣриѣе—исправляющемъ должность хамбо-

ламы (*). Чойрупь Ванчиковъ по происхожденію казакъ, и собственно для поступленія въ ламы уволенъ изъ казачьяго вѣдомства. Такъ какъ прежній хамба-Иши-Жамсуевъ, отличающійся ростомъ и дородствомъ, былъ крайне плохъ въ умственномъ отношеніи (**): то ширетуй Ванчиковъ, не бывши еще хамбою, управлялъ всѣмъ, какъ настоящій хамбо-лама. Не смотря на то, онъ, кажется, не совсѣмъ рассчитывалъ на получение мѣста хамбы послѣ смерти Жамсуева, потому что пьяный сынъ хамбы Дамбаевъ, слишкомъ уважался бурятами, какъ хубилганъ, чтобы помимо его кому-нибудь сдѣлаться хамбою, — особенно, когда въ лицѣ прежняго хамбы поданъ и примѣръ преемства сына отцу (***). Можетъ быть, въ этихъ-то обстоятельствахъ Ванчиковъ рѣшился заключить дружбу съ миссіонеромъ и изъявлять предъ нимъ такое расположеніе къ Христіанству, что тотъ счелъ не лишнимъ донести епархіальному начальству о расположеніи къ святой Вѣрѣ гусиноозерскаго ширетуя. Но лишь только Ванчиковъ сѣлъ на почетный стулъ хамбо-ламы, — и всѣ сношенія съ миссіонеромъ прекратились. Теперь новый хамбо-лама въ первый разъ увидался съ прежнимъ другомъ и, какъ ловкій дипломатъ, самъ сдѣлалъ ему выговоръ за долговременную разлуку.

Хамбо-ламѣ хотѣлось показать во всемъ блескѣ свое служеніе, и онъ прѣсиль у меня позволенія совершить какую-нибудь службу. Чтобы имѣть вамъ приблизительно вѣрное понятіе о ламскомъ идолослуженіи, прежде всего представьте себѣ обширную, каменную двухъ этажную кумирню, полусвѣщенную не большимъ числомъ оконъ, и въ полумракѣ сидящихъ рядами

(*) По незнанію русскаго языка, онъ не утвержденъ еще въ должности.

(**) При сношеніяхъ съ русскими, особенно съ начальствомъ, за него, говорятъ, всегда разсуждалъ переводчикъ, и потому этотъ маленкій недостатокъ не всякому бросался въ глаза.

(***) Когда Ванчиковъ сдѣлался хамбою, то буряты говорили, что читкуры (бѣсы) непременно задушатъ его, за то, что занялъ мѣсто естественнаго преемника хамбы.

на низенькихъ скамьяхъ, поджавши ноги, ламъ, съ бронзовыми широкими лицами, узенькими глазками и бритыми головами. Они одѣты въ широкія желтаго цвѣта шелковыя одежды съ широкими красными перевязами и съ накинутыми сверху жолтыми плащами или мантиями, и въ широкихъ жолтыхъ съ углами и наушниками шляпахъ (малахай). Хамбо имѣлъ на себѣ шляпу золотую глазетовую и красную одежду. Одинъ изъ ламъ довольно звучнымъ басомъ затянулъ какую-то пѣсню на тибетскомъ языкѣ (*) и вслѣдъ за нимъ подхватили всѣ ламы, аккомпанируя пѣнію страшною, невѣдомою Европѣ, инструментальною музыкою. Тутъ были разнаго рода трубы, барабаны, литавры, бубны, колокольцы, мѣдныя тарелки и тому подобныя, и все это въ формахъ и размѣрахъ, мало похожихъ на наши, соотвѣтственные имъ инструменты. Напримѣръ, знаменитую укыр-бурэ (трубу—корову), во время шествія, несли предо мною два человѣка и она издавала ревъ, вполне соотвѣтствующій своему названію. Доселѣ еще раздается въ ушахъ моихъ страшная ламская музыка. Слушая ее и видя предъ собою такое полчище идольскихъ жрецовъ, я невольно переносился воображеніемъ къ тѣмъ разсказамъ изъ сказочнаго міра, которые слушалъ или читалъ въ лѣта дѣтства; представлялся мнѣ и адъ съ его обладателями, совершающими свои стенающія оргіи. Подобное зрѣлище не можетъ не производить огромнаго впечатлѣнія на степнаго монголо-бурята, особенно при представленіи въ каждомъ ламѣ чародѣя, способнаго сноситься съ невидимыми духами.

Послѣ этой оргіи, началась у меня тутъ же въ кумирнѣ бесѣда съ хамбо-ламою, продолжавшаяся около двухъ часовъ. Я спросилъ хамбу о его званіи и значеніи его въ буддійской іерархіи. Хамбо-лама откровенно сознался, что его званіе—

(*) Что поютъ ламы въ кумирняхъ и юртахъ, показано въ № 17 И. Е. В.

есть русское изобрѣтеніе, не известное въ Монголіи (*), и что въ ламской іерархіи онъ есть не болѣе, какъ и всякой тылунъ-лама. Не могу не замѣтить и объ этомъ учрежденіи, что цѣль, для которой оно выдуманно, несколько не достигается, а зло отъ него огромное. Учрежденіемъ хамбо-ламы правительство хотѣло отвлечь нашихъ монголовъ бурятъ отъ ургинскаго (въ Монголіи) хутухты, къ которому до 1764 года они свободно относились. Но во первыхъ, хамбо никогда не замѣнялъ и не замѣнитъ хутухты. Какъ бы высоко ни поставило его правительство, все таки въ глазахъ ламайцевъ онъ будетъ простымъ человекомъ, но не будетъ тѣмъ, чѣмъ былъ и есть для шихъ хутухта. Хутухта почитается не какъ духовный глава или начальникъ ламайцевъ, а чѣмъ онъ и быть не можетъ, какъ несовершеннолѣтнее дитя, а какъ перерожденный, небожитель, полубогъ, преподающій всѣмъ одно благословеніе и отъ всѣхъ принимающій чуть не божеское поклоненіе. Это святѣйша спизшедша къ грѣшнымъ людямъ съ неба и только чрезъ ламское вычитываніе открываемая въ известныхъ (по государственнымъ китайскимъ законамъ непремѣнно въ простыхъ) монгольскихъ семействахъ. Наши буряты представляютъ его не иначе, какъ сіяющимъ подобно солнцу, такъ что грѣшному человеку невозможно и смотреть на него, и—они огромными толпами бѣгутъ въ Ургу, чтобы принять благословеніе отъ солнцезачинаго хутухты. Но тѣмъ, не мнѣгіе удостоиваются видѣть его, и тѣ, потративши большія суммы на подарки ургинскимъ дамамъ, по достиженіи цѣли возвращаются съ совершеннымъ разочарованіемъ, а иногда и съ полнымъ невѣріемъ!—Что и въ глазахъ бурятъ хамбо-лама совсѣмъ не то, что хутухта, и что званіе его есть выдумка, которую можно замѣнить всякою другою подобною выдумкою.

(*) Имя хамбо-ламы известно въ Монголіи, но только какъ ученаго, какъ бы доктора буддійскаго вѣроученія, и во всякомъ случаѣ не соединяется непременно съ правомъ начальства надъ другими ламами или мірамаи.

это доказали они сами, по смерти послѣдняго хамбо-ламы, Иши-Жамсуева, когда въ 1860 году изъявили согласіе на поставленіе въ хамбо-ламы, кого угодно будетъ избрать начальству, не только изъ ламайцевъ, но даже изъ христіанъ (*). Важнѣйшій вредъ отъ учрежденія должности хамбо-ламы состоитъ въ томъ, что въ лицѣ его, вредная сама по себѣ, ламская корпорація получила единство и силу, какой она не имѣетъ ни въ Тибетѣ, ни въ Монголіи; ибо тамъ каждый дацанъ имѣетъ свое отдѣльное, независимое существованіе, подѣляемъ однимъ своимъ хэшана (ширетуя). А вълѣдствіе такого объединенія, всѣ дацаны, а за ними и простые буряты живутъ одною жизнію, поддерживая другъ друга въ общемъ лжевѣрїи и дружно преслѣдуя всякаго, измѣняющаго ему для истины христіанской. Хамба, съ своей стороны, часто отправляетъ ко всѣмъ бурятамъ-ламайцамъ окружныя посланія, или словесно распространяетъ такіе слухи, которые, держа народъ въ суевѣрїи, враждебно относятся къ христіанству. Случалось, что, по примѣру православныхъ архіереевъ, онъ объѣзжалъ все населеніе бурятское, для обозрѣнія дацановъ и олушевленія и утвержденія народа въ ламскомъ суевѣрїи. Далѣе, поставивши хамбо-ламу съ непосредственнымъ подчиненіемъ генераль-губернатору восточной Сибири, правительство поручило ему и наблюденіе за исполненіемъ «положенія о ламайскомъ духовенствѣ», а чрезъ то освободило все ламство отъ надлежащаго правительственнаго надзора и дало ему свободу ко всѣмъ злоупотребленіямъ, первый примѣръ въ коихъ подають сами хамбо-ламы. Наконецъ, простые буряты, сравнивая хамбо-ламу съ православными русскими архіереями, видятъ въ этомъ достоинство своей вѣры, ничѣмъ, по ихъ мнѣнію, нехудшей христіанской.

(*) Легко можно бы и даже нужно бы замѣнить хамбу русскимъ чиновникомъ, поставивши ему въ обязанность наблюдать за исполненіемъ ламами русскихъ гражданскихъ законовъ, а исполненіе обрядовъ суевѣрія предоставить ихъ собственной волѣ.

Разсуждая объ ургинскомъ хутухтѣ и отличіи его отъ хамбо-ламы, я склонилъ разговоръ и на выходящихъ изъ Монголіи хутухтѣ и хубилгановъ. Хамбо-лама, давно извѣстный холодностію къ своей вѣрѣ, безъ затрудненія отвѣчалъ, что онъ не знаетъ всѣхъ обманщиковъ, выходящихъ изъ Монголіи. Я просилъ его убѣдить бурятъ, чтобы и они не вѣрили мнимымъ хутухтамъ и хубилганамъ. Впрочемъ я слышалъ, что и вообще русскіе ламы не совсѣмъ благопріятно смотрятъ на ламъ, выходящихъ изъ Монголіи, потому что простые буряты слишкомъ почитаютъ выходцевъ, въ ущербъ доходамъ и уваженію русскихъ ламъ.

Въ разсужденіяхъ о вѣрѣ, хамбо-лама, какъ за каменную стѣною, стоялъ за «положеніемъ о ламайскомъ духовенствѣ». Ламская вѣра, говоритъ онъ, утверждена Государемъ, чрезъ учрежденіе штатовъ для ламайскаго духовенства. На мое возраженіе, что штаты учреждены для ограниченія числа ламъ и что желаніе Государя Императора,—чтобы всѣ они исповѣдали ту же вѣру, какую исповѣдуетъ Онъ Самъ, выразилось въ назначеніи меня содѣйствовать ихъ просвѣщенію христіанскою Вѣрою, хамба отвѣчалъ, что онъ объ этомъ не получалъ никакихъ предписаній, а знаетъ только, что ламская вѣра утверждена закономъ. Когда я сталъ разбирать самое содержаніе ламской вѣры, представитель ея ни мало не затруднился отрицаться отъ всего, что ни опровергалъ я, не исключая и самой горы сумэру (сумаръ, сумберъ),—буддійскаго олимпа. «Это все, говорилъ онъ, для простаго народа». Впрочемъ, когда пошла такая откровенная беседа, онъ нашелъ нужнымъ, чтобы не соблазнить меньшей братіи, выслать всѣхъ изъ кумирни, оставивши при себѣ не болѣе пяти человекъ изъ старшихъ ламъ, и хотя я убѣдительно просилъ его оставить и другихъ, онъ не отмѣнилъ своего распоряженія.

Убѣжденія самаго хамбо-ламы, кажется, не подлежатъ сомнѣнію. Однажды предложенъ былъ ему вопросъ, почему ламы большую часть своихъ религіозныхъ книгъ не переведутъ съ

тибетскаго языка и довольствуются безсмысленнымъ чтеніемъ ихъ въ кумирнѣ? Ванчиковъ, тогда еще ширетуй, съ улыбкою отвѣчалъ:—«чтобы не всѣ знали, что въ нихъ однѣ сказки». Въ другой разъ на предложеніе принять христіанство, хамба отвѣчалъ: «какая же отъ того будетъ польза? Никого я съ собою не обращаю къ христіанству и только самъ затеряюсь». Дѣйствительно, по мірскому разсужденію, съ принятіемъ христіанства, онъ весьма много потеряетъ, если не будетъ сдѣлано для него исключенія. Теперь онъ, по закону, на свое лицо получаетъ 600 десятинъ земли и десятую часть доходовъ отъ всѣхъ тридцати четырехъ дацановъ, и чуть не равняетъ себя съ православными архіереями, а тогда онъ будетъ простымъ казакомъ или ясачнымъ, съ подчиненіемъ всѣмъ повинностямъ податныхъ сословій.

Въ кельѣ хамбо-ламы, куда онъ пригласилъ меня пить чай, я обратилъ вниманіе на золотые медали, которыми украшены были нѣкоторыя ламы. «За что получили вы эту награду?» спросилъ я ламу Дамбаева. «По представленію хамбо-ламы, за твердость въ вѣрѣ», отвѣчалъ лама. Самъ хамбо-лама, не смотря на разсудительность свою, не утерпѣлъ, чтобы не показать предо мною всей важности своего сана. Замѣтивши на груди моей слишкомъ скромное изображеніе Спасителя, онъ выставилъ изъ-за пазухи большой серебряный медальонъ съ изображеніемъ бурхана, и чтобы дать мнѣ замѣтить это, счелъ нужнымъ обратить собственное вниманіе на изображеніе моего Бога. А предъ миссіонеромъ послѣ онъ высказался еще наивнѣе, или вѣрнѣе, насмѣшливѣе. Взглянувши на свою золотую медаль и потомъ указавъ на бронзовый крестъ миссіонера, онъ съ улыбкою произнесъ:—«жельзный!»

Но пора оставить ламъ съ ихъ богатствомъ, гордостію, децотизмомъ и разгуломъ мірской жизни. Видѣлъ я и отрадныя явленія въ первомъ моемъ миссіонерскомъ путешествіи. Въ двадцати верстахъ отъ гусиноозерскаго дацана, мѣстопробыванія хамбо-ламы, и въ сорока отъ г. Селенгинска, находится

степная Дума, средоточіе управленія двадцати родовъ селенгинскихъ бурятъ. Здѣсь въ средоточіи селенгинскаго инородческаго вѣдомства нашель я хотя юную и малую числомъ, но твердую вѣрою церковь, которая давно уже ждала моего пріѣзда, какъ праздника для своего маленькаго общества въ глуши бурятскихъ степей. Новые христіане встрѣтили меня въ своей маленькой, вновь строящейся, церкви, только что конченной вчернѣ къ моему пріѣзду. Не безъ сердечнаго умиленія смотрѣлъ я на этихъ первенцовъ въ вѣрѣ среди мрака лжевѣрія, и сердце мое невольно твердило слова Господа къ юной апостольской Церкви: *не бойся, малое стадо, яко благоизволи Отець вашъ дати вамъ царство* (Лук 12, 32). Во главѣ этой маленькой христіанской общины стоялъ самъ главный тайша селенгинскихъ инородцевъ, Дмитрій Петровичъ Минѣевъ, съ своими братьями, принявшими христіанство вмѣстѣ съ покойнымъ отцемъ своимъ, Петромъ Минѣевымъ. Судьба маленькаго храма, составляющаго предметъ утѣшенія и заботъ малой христіанской общины, также достойна того, чтобы быть извѣстною. Начало ей положилъ помощникъ тайши, *язычникъ* Найданъ Гомбоевъ, не изъ усердія къ христіанской вѣрѣ и не изъ сочувствія къ скудости средствъ къ построенію церкви у самихъ христіанъ, а изъ видовъ честолюбія, — чтобы показать примѣръ благородства — безъ вѣры и, главное, заслужить какой нибудь знакъ отличія, до которыхъ буряты страстные охотники. Ему дано было *позволеніе* устроить церковь во имя св. Николая чудотворца, котораго чтутъ и некрещенные буряты, а въ пособіе выдана сборная книга. Деньги собирались, церковь по маленьку строилась, а христіане отстранялись отъ участія. Наконецъ, въ настоящемъ году, миссіонеръ донесъ епархіальному начальству, что строитель церкви Найданъ Гомбоевъ ушелъ въ Монголію, бросивши постройку церкви безъ всякаго отчета. Теперь строительство перешло къ тайшѣ, который и принялся за него со всѣмъ усердіемъ истиннаго христіанина. Но недостатокъ средствъ крайне затрудняетъ строи-

теля. Я общался, по возможности, помогать ему, потому что при этой церкви, въ средоточіи бурятскаго населенія, предполагается устроить станъ или маленькій монастырь для монашествующей братіи миссіонеровъ. 14-го сентября въ степную Думу нарочно пріѣзжалъ миссіонеръ для освященія и поднятія креста на новую миссіонерскую церковь, и—Дмитрій Петровичъ не преминулъ, хотя чрезъ письмо, подѣлиться со мною своею радостію по этому случаю. «Какъ приятенъ былъ этотъ день намъ, ничтожнымъ братіямъ», писалъ онъ мнѣ: «и теперь мы не нарадуемся, глядя на святой крестъ на нашей церкви!» Одно только нѣсколько омрачило торжество нашихъ добрыхъ христіанъ,—это обманъ сосѣда хамбо-ламы Чойрупа Ваичикова. Давши обѣщаніе пріѣхать на праздникъ, онъ не только самъ не сдержалъ своего слова, но и другихъ бурятъ отвлекъ отъ русскаго праздника, нарочно составивши у себя въ дацахъ въ этотъ самый день, по словамъ Дмитрія Петровича, «какое-то новое, доселѣ небывалое, молебствіе. Видно, прибавляетъ онъ къ этому извѣстію, нашимъ язычникамъ не пріятно было поставленіе креста Господня!»

Посѣщеніемъ селенгинской степной Думы окончилось мое путешествіе. Включая въ эту поѣздку и обратное возвращеніе тѣмъ же путемъ, всего я проѣхалъ на этотъ разъ болѣе полуторы тысячи верстъ. И на всемъ этомъ пространствѣ находится *одинъ* миссіонеръ, который въ тоже время занимаетъ должность бригаднаго священника и законоучителя въ бригадной школѣ. Что можетъ сдѣлать среди языческаго населенія, простирающагося свыше тридцати тысячъ, одинъ человекъ, и притомъ занятый еще другими обязанностями? Онъ ѣздилъ разъ или два въ годъ по бурятскимъ улусамъ—и то не по всему краю. И можно ли было, послѣ этого, требовать отъ него успешной дѣятельности? Чтобы обратить иновѣрца, нужно перевоспитать его, а для этого нужно постоянно быть при немъ, а не пріѣзжать къ нему разъ въ годъ, чтобы потомъ забыть о немъ. Нужны средства и средства, а еще бо-

лѣе—люди и люди. *Жатва многа, дѣлателей же мало:* будемъ молиться *господину жатвы, да изведетъ достойныхъ дѣлателей на жатву свою* (Матѳ. 9, 36) (*)

НАСТАВЛЕНИЕ

При бракосочетаніи Петра Михайловича Лаврентьева и Александры Михайловны Михѣевой (**) въ Иркутской Крестовоздвиженской церкви 21 Апрѣля 1863 года, когда они произнесли брачные обѣты:

«Кто сложилъ такъ ваши жребіи, что вы, напредь сего совершенно между собою чуждые, даете теперь обѣтъ, предъ Крестомъ и Евангеліемъ, принадлежать другъ другу венаруцимно, вѣчно? Кто такъ устроилъ?»

«Богъ, Который любитъ насъ челоѣковъ болѣе, чѣмъ самая пѣжная мать можетъ любить свое дѣлице. Богъ, Который хочетъ видѣть всѣхъ насъ счастливыми и радующимися. А если выпадаютъ въ жизни минуты перадостныя,—это отъ того, что мы или пренебрежемъ тѣми условіями, какія указаны отъ Господа къ счастью и радости, или невыразумѣемъ ихъ.»

«У всякаго состоянія свои радости, и свои къ тому условія. Но всѣхъ проще условія благополучія супружескаго. Мужъ долженъ любить свою жену столько же, сколько Христосъ возлюбилъ свою церковь, и Себе предаде за ню. Жена должна съ такою же благопокорливостію относиться въ своему мужу, какъ церковь во всемъ повинуется Христу. (***) Условія, какъ

(*) Желающіе участвовать въ посвященіи христіанскою Вѣрою забайкальскихъ инородцевъ доставленіемъ средствъ миссіи, благоволятъ присылать свои пожертвованія чрезъ городъ Иркутскъ въ Посольскій монастырь на имя начальника Забайкальской миссіи, преосвященнаго Веніамина, епископа селенгинскаго, викарія иркутской епархіи.

(**) Новобрачный—иркутскій 1-й гильдіи купеческій внукъ, а новобрачная—дочь иркутскаго 1-й гильдіи купца, получившая образованіе въ иркутскомъ Институтѣ Восточной Сибири.

(***) Ефес. V. 22—25.

видите, не многосложныя, а изъ нихъ слагается спокойствіе, благоденствіе и самое долгоденствіе супруговъ.

«Напечатлѣй же, юная чета! напечатлѣй въ памяти и сердца, что отъ васъ требуется взаимная любовь, которая не терпитъ никакого, даже мимолетнаго помысла *любви посторонней*, какъ могущаго омрачить чистоту союза—если не предъ очами людей, то предъ очами Божиими. Отъ васъ требуется взаимное угожденіе,—хотябы съ пожертвованіемъ иногда собственныхъ желаній,—неоставляющее мѣста нималѣйшему своенравію и своеобычію, которыя незамѣтно но печально охлаждають любовь. Жительствова сими правилами неизмѣнной любви и сердечной заботливости даже взглядомъ не огорчить другъ—друга, вы съ своей стороны положите прочное основаніе своему счастью. А остальное совершить ваша теплая, постоянная молитва къ Богу, которая одна низводитъ на брачующихся, и на всѣхъ, тотъ миръ и то благословеніе, въ которыхъ сокрыто все потребное къ животу и благочестію.»

Протоіерей Ирокопій Громовъ.

ГОЛОСЪ СОВѢСТИ.

Въ первый годъ моего священства, когда я нѣсколько не былъ еще ознакоменъ съ многотрудною обязанностию духовника, въ числѣ многихъ говѣвшихъ пришла на исповѣдь пожилая женщина. Подошла къ налою, затряслась, заплакала, и не могла выговорить ни слова! Въ первый еще разъ на моей должности встрѣтился я съ такимъ глубокимъ сокрушеніемъ. Успокоивъ женщину, какъ умѣлъ, я выслушалъ, что она крайнею бѣдностію вынудилась открыть у себя пригонъ разврата, и незадолго предъ симъ. Возлюбленная! сказалъ я женщинѣ: твое тревожное состояніе показываетъ, что взятое тобою ремесло тебѣ не по душѣ.—Истинно не по душѣ—воскликнула женщина—но моя крайняя бѣдность.—Трудись!—Но я не здорова.—Положись на Всемогущаго, и Той ты пре-

питаеть.— Не знаю, отвѣчала женщина.— Можешь ли ты рѣшиться убить челоѣка? спросилъ я взволнованную.— Сохрани Господи! — отвѣчала она съ ужасомъ.— Какъ же ты рѣшилась убивать, и навѣчно, нѣсколько душъ дѣвиць и юношей?— Страшно, батюшка, страшно! да что же буду я дѣлать?— Положись на Господа, иди въ домъ свой, и сей же часъ разпусти заблудшее сборище, за тѣмъ, не спрашивая у меня болѣе совѣта, съ святымъ дерзновеніемъ приступай завтра къ Тѣлу и Крови Христовой, какъ восторжествовавшая надъ тяжкимъ, смертнымъ грѣхомъ. Если же сего не сдѣлаешь, не дерзай приступать къ Святымъ тайнамъ, какъ нераскаянная, какъ повседневная убійца душъ, и отравительница тѣлъ.

Назавтра рано явилась эта женщина, прилично одѣтая, къ утренней. На лицѣ ея видѣлось мнѣ спокойствіе, и я порадовался. Прочитаны часы; прослушала она правило ко Причащенію,—молилась усердно. Началась ранняя литургія. Но лишь только заѣли Херувимскую пѣснь, несчастная пошла вонъ изъ церкви. Скоро переведенный въ другой приходъ, я потерялъ ее изъ виду.

П. П. Г.

Редакторъ, *Протоіерей П. Громовъ.*

Печатать дозволяется: Иркутскъ, Мая 2 дня 1863 года.

Цензоръ, Семинаріи Ректоръ *Архимандритъ Дровей.*

Печатано въ типографіи штаба войскъ.